

Тетради

Русской экспертной школы

2017 № 4

Москва
Русская экспертная школа
2017

УДК 316.75(470+671)
ББК 60.0(2Рос)
Т37

Партнёры:

Всемирный русский народный собор
Философский факультет МГУ им. М. В. Ломоносова
Северо-Кавказский федеральный университет (Ставрополь)

Книга издана при финансовой помощи
Фонда просвещения «МЕТА»

Т37 **Тетради Русской экспертной школы № 4** : научное издание / Под ред. В. А. Щипкова. – М. : Русская экспертная школа, Пробел-2000, 2017. – 136 с.

ISBN 978-5-98604-646-4

Настоящий номер Тетрадей Русской экспертной школы представляет собой сборник избранных экспертных позиций и докладов, обсуждавшихся на семинарах и конференциях Школы в 2017 году. В этом номере рассматриваются следующие вопросы: какого человека формирует современное образование, как осуществляются революции в современном мире, как события 1917 года влияют на современный политический дискурс, как формируется образ Русской Православной Церкви за рубежом, что такое интеллектуальная дипломатия и каковы истоки культурного кризиса современной Европы.

Наши электронные контакты:
ruseschool@yandex.ru
vk.com/ruseschool

ISBN 978-5-98604-646-4

© Русская экспертная школа, 2017.
© Щипков В. А., 2017.
© Пробел-2000, 2017.
© Фонд просвещения «МЕТА», 2017.

Содержание

В. А. Щипков

Отношение к 1917 году как показатель
идеологических поисков в современной России (доклад) 5

А. П. Козырев

Философия образования и философия человека.
Какого человека формирует современное «глобальное образование» .. 39

О. А. Матвейчев

Революция под ключ. Кто заказывает
и как осуществляются революции в современном мире 65

А. Б. Рогозянский

Образ русского православия в экспертных сообществах Запада 91

Е. А. Белжеларский

Переосмысление модерна:
цивилизационное превосходство и Другой 102

Интеллектуальная дипломатия

В. А. Щипков

Что такое интеллектуальная дипломатия 109

Е. Е. Мамаев

О докладе М. Папазу «Размышления о Европе:
идентичность и верность» 112

М. Papazu

Reflections on Europe: Identity and Fidelity 120

ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЕ МОДЕРНА: ЦИВИЛИЗАЦИОННОЕ ПРЕВОСХОДСТВО И ДРУГОЙ

Проведём небольшой умозрительный эксперимент: представим себе древнего римлянина, который волей неведомого и неисповедимого случая попадает в «блистательный» и галантный век французского короля Людовика XIV. Вот римский патриций видит перед собой вельможу в камзоле, парике и со шпагой на поясе. Какой будет первая мысль, которая придёт ему в голову? «Варвар!» — подумает он, высокомерно оглядев потомка воинственных галлов. Возможно, такой эксперимент покажется читателю смешным и абсурдным, но повернём шкалу истории другим концом и спросим себя: был бы прав стилиста 1950-х или хипстер 2010-х годов, назвав «деревенщиной» гражданина древнего Рима? Ничуть не более. Все четверо — аутентичны в декорациях своей эпохи, они — «современники своего времени». Особого внимания заслуживает тот факт, что идея варварства и противостоящей ему передовой цивилизации, а значит, и все формы европоцентричного исторического шовинизма возникли ещё во времена древних греков и римлян. И этот факт делает миф о культурном превосходстве и «бремени белого человека» (особой миссии цивилизатора) архаичным, если не сказать пещерным, или, если использовать модернистскую терминологию, — традиционным.

Таким образом, мы оказываемся перед парадоксальным фактом, что нет ничего более традиционного, чем идея «современности». Правда, современности не какой-нибудь, а существующей здесь и сейчас и данной нам в ощущениях. Иными словами, принцип социокультурной опосредованности сознания, на котором настаивали представители французской философской школы XX века, в конечном счёте можно свести к одной проблеме выбора. Выбора между личностной автономией и иррациональным чувством причастности к «современному», к очередной фазе бесконечно длящегося и «незавершённого» (как уверяет нас Юрген Хабермас и его философская школа) модерна. Ты современен, следовательно, ты существуешь. Правда, в этом случае ты не уникален. Ты не фигура, а фон. И наоборот: выпадая из своей современной общности, человек получает шанс на уникальность, но взамен выключается из модернистского *ergo sum*, его голос выбивается из хора условных индивидуальностей. Квантор существования уже с трудом применим к такому человеку.

О странной ситуации, когда общество определяет своё место в истории в формах превосходства и отрицания «традиционного», довольно точно и убедительно написал Василий Щипков в статье «Современность между смертью и традицией»¹. Этот феномен в его изложении представлен так:

«Одно из наказаний для современного человека — быть выброшенным из современности и оказаться “несовременным”, на “неправильной стороне истории”... Это «чувство, что не ты живёшь, а динамичное время живёт и управляет тобой», это «за-

¹ Щипков В. А. Современность между смертью и традицией [Электронный ресурс] // ГЕФТЕР — интернет-журнал. Режим доступа: <http://gefeter.ru/archive/22889> (дата обращения: 04.10.2017).

прет останавливаться и невозможность осмотреться вокруг» — вот что определяет дух времени, уверенного в своей собственной столь же очевидной, сколь и необъяснимой уникальности. Это не что иное, как точное описание самой сути исторического шовинизма.

На этом месте можно было бы в порядке антитезиса к господствующему авторитарному дискурсу «вечного» модерна напомнить, что водопровод, изобретённый в Древнем Риме, пришлось изобретать заново в Средние века. Или указать на «азиатский способ производства», над которым ломал голову Маркс, поскольку накопление капитала по-европейски никак не желало происходить на Востоке, а колонизируемые никак не хотели походить на колонизаторов. Наконец, можно было бы обратить внимание на то, что сама концептология «современности» вызывает у критически мыслящего индивида немало вопросов. Как найти верхнюю границу «современности», если известна нижняя? И можно ли определить природу явления, не зная, где проходит одна из его границ? О каких закономерностях этого явления можно говорить, если «современность» продолжается, и мы сами в неё погружены? Не является ли на самом деле современность только частью традиции или, наоборот, традиция — частью современности?

Все эти вопросы могли бы дать и наверняка дадут пищу для многочисленных дискуссий, которые неизбежны в будущем. Особенно если, как пишет Василий Щипков, рано или поздно мы «начнём думать иначе: думать о *современности* и *традиции* не как об антонимах, а как об одном и том же, как о синонимах вечных ценностей и вечной жизни». Но сейчас хотелось бы подойти к проблеме с другой стороны, не культурно-исторической, а религиозно-этической.

Исторической зоркостью не обладает ни одна эпоха, в том числе и наша. Осознать свою историческую слепоту — вот что было бы прозрением и серьёзным духовным достижением с христианской точки зрения. Но пока этого не происходит. Проблема, в частности, состоит в том, что в основе современной парадигмы знания лежит гностический миф, истолкованный в духе позитивизма и натурализма, то есть ди-хотомически и эволюционистски. Он составляет основу «фундаментализма» модерна — того самого явления, которое известный английский теолог и философ, основатель движения «радикальной ортодоксии» Джон Милбанк называл *имманентистской матрицей*. Его можно также назвать рационалистической религией, или рационалистическим гнозисом. От этой религии страдает не только христианский универсализм и христианская традиция, но и подлинная классическая рациональность, поскольку из инструмента науки и философии её превращают в метафизическое, сакральное ядро имманентизма.

Согласно Милбанку, этот процесс сакрализации, «обо-жествления» рациональности, научности и секулярности имеет глубокие религиозные предпосылки. Собственно говоря, всё это, по мнению Милбанка, — результат «девиации исходного теологического дискурса», то есть дискурса аутентичного христианства. Согласно Милбанку, западное общество находится в состоянии «незавершённого прочтения» или «незавершённого толкования» Писания и Предания, что выражается и в разрыве с христианством, и в христианофобии. Позиция Милбанка состоит в том, что прежде всего необходимо восстановить в правах христианский универсалистский «мастер-дискурс» («перводискурс»), который должен стать «метанарративом будущей куль-

туры». Но сделать это необходимо без нового разрыва, то есть с учётом достижений классической рациональности.

Между тем представляется вполне очевидным, что грубое деление разных, в том числе существующих одновременно, комбинированных и гибридных форм социальности и социальной организации на «традиционные» и «современные» тенденциозно по самой своей сути (заметим, кстати, что в историцизме коммунистического типа эта стадильность была более дробной, а цена деления исторической шкалы гораздо меньшей). Причины такой несостоятельности — как эпистемологические (о чём уже было сказано выше), так и нравственно-этические. Последние также связаны с явлением социального насилия.

Чтобы сделать более понятным последний тезис, отметим, что в основе колониалистских и неоколониалистских практик лежало насилие, психологически и идеологически мотивированное в соответствии с древнейшей мифологической формой его институционализации — той, которую французский философ и антрополог Рене Жирар назвал «сакральным насилием». Из этого мифокомплекса древности в современную политическую практику попало понятие «сакральной жертвы». Сакральность в этой схеме, согласно Р. Жирару², используется в целях объективации: кто-то должен быть принесён в жертву ради всеобщего благоденствия, кого-то нужно отдать на заклятие. На самом деле мифема священного прикрывает в этом случае элементарное право сильного и легитимирует его в глазах народа (племени), поскольку насилие в чистом виде коллективный разум племени отторгает. Перекидывая мостик к социально-политической современности, мы вынуждены констатировать,

² См. книги Рене Жирара «Насилие и священное» и «Козёл отпущения».

что данный мифокомплекс — один из самых активных в нынешнем социуме и культуре...

Исходно комплекс сакрального насилия был характерен для самых архаичных форм коллективного сознания, и там, где он обнажается в наше время, имеет место провал коллективного сознания людей из современности в архаику. Колониализм был первым и самым ярким примером такого провала в эпоху Нового времени, коммунизм стал реакцией на него и зеркальным подобием данного процесса.

Согласно Р. Жирау, христианство впервые поставило под вопрос ритуально-мифологическую схему коллективного насилия — и в этом его революционное значение. Христианский сюжет взрывает дискурс священного насилия изнутри, подтачивает и деконструирует его. Происходит это потому, что если в прежних религиях мы всегда встречаем «нарратив убийцы», то в евангелиях рассказ впервые в истории ведётся от лица и с точки зрения Жертвы. Весь Новый Завет написан с позиции Жертвы и в этом, в частности, его уникальность.

Вновь обратим внимание на современность. Сознанию квазисовременности модерна по-прежнему необходим кто-то, кто подходит на роль жертвы, современный «варвар». В рамках социологии модерна таким варваром стал носитель «тоталитарного» сознания, «тоталитарно мыслящий» Другой. Такая схема «социальной эволюции» страдает, помимо скрытого сакрального насилия, также и биологизмом, поскольку мыслится по аналогии с эволюцией животного мира, в котором действует естественный отбор. Один из идеологических парадоксов квазисовременности состоит в том, что конкуренция и естественный отбор допускаются истеблишментом на уровне индивидуумов, этнических групп и даже цивили-

заций (по С. Хантингтону), но не допускаются на уровне социальных классов.

Современное оформление комплекса сакрального насилия — это политический поиск врага («цивилизационного» Другого), перед лицом которого нужно сплотиться. К сожалению, сегодня во «враги цивилизованного человечества» и демократии записывают не только ИГИЛ³ и Джебхат ан-Нусра⁴, которые совершают публичные казни через обезглавливание и разрушают памятники культуры, но и любого оппонента, в том числе целые страны и народы. Всё это делается в рамках устаревшего мышления, которое на место так называемых «воображаемых сообществ» (как называют нации и конфессии конструктивисты) выдвигает «воображаемые» исторические этапы.

Сегодняшний мировой кризис — не только экономический, но также и экзистенциальный. Это ещё один сдвиг сознания в направлении исторического и культурного шовинизма. Разумеется, противоядием этому процессу могут служить только христианские нравственные ценности.

³ Организация запрещена в России.

⁴ Организация запрещена в России.